

г. Санкт-Петербург

Амин Алаев

г. Ванкувер, Канада

Экспонат

Утро выдалось хмурым. Тучи, серым войлоком покрывавшие небо, видимо, раскинулись на весь день. Мужчина крикнул с досады, но заставил себя одеться и выйти на улицу. Рано или поздно надо было делать то, что было предписано.

Айгерим уже кормила коня.

– Ну как ты? – участливо спросила она, видя, как Муртаза морщился от боли в плече. Он нахлобучил свой лисий малахай¹, проигнорировав вопрос женщины. Над ближайшим пригорком блеснула молния; через несколько мгновений послышался гром. Хвосты яков на бунчуках², воткнутых в землю перед юртой, изящно развевались от резких порывов ледяного ветра. Айгерим протянула ему наполненную до краёв кесушку³. Муртаза взял кумыс, даже не удостоив её внимания.

– Дундар вернулся уже? – спросил он, прищутив глаза, и снова поморщился.

Айгерим лишь молча покачала головой. Муртаза и сам это понимал – кто по доброй воле и в трезвом уме вернётся сюда, в юрту, поставленную, будто всем на смех, посреди городка. «Стать клоуном на старости лет – какой стыд», – думал про себя Муртаза и

наливался злостью. Если бы не деньги... Месяц назад, когда из-за болезни пришлось продать всю отару и уже очередь вот-вот должна была дойти до родной юрты, к нему в палату пришёл этот... искуситель. «Вы будете как Леннон со своей Йоко на наш, киргизский лад!» Муртаза понятия не имел, кто такой Леннон, но согласился. Деньги, будь они прокляты!

И потом, если на киргизский лад, то зачем юрту надо было ставить в этом городке неподалёку от Оша, где почти не было жителей-киргизов? Муртаза чувствовал себя неловко под взглядами жителей соседней махалли⁴, полных непонимания и неодобрения взглядов, со снисходительным любопытством разглядывающих его малахай и расшитый золотом чепкен⁵, который вручил ему под подписку этот искуситель. Он бросил взгляд на остальной реквизит, уже заботливо разложенный перед входом в юрту. Искривлённое полукругие ятагана⁶, сверкающего инкрустацией и арабской вязью, заставляло волноваться его особенно сильно. Он осторожно, чтобы не разбередить боль в плече, пошарился в карманах чепкена и нашёл смятую узбекскую купюру в двести сумов. Странное изображение тигра, несущего на спине солнце с человеческим лицом, было совершенно непонятным и ставило его в тупик. «Деньги... Побыстрее бы уж вернулся Дундар!» – подумал Муртаза, выплеснув на землю последние капли кумыса из кесушки. Вновь послышался раскат грома. Тихо заржал его всё ещё неосёдланный каурый аргамак⁷. Крупная капля дождя упала на сидящую бороду. Через несколько мгновений начался ливень.

«Хорошо, хоть в такую погоду туристов-журналистов не будет», – ухмыльнул-

¹ Малахай – головной убор.

² Бунчук – древко с привязанным хвостом коня либо яка, служившее в Средневековье знаком власти.

³ Кесе – большая чашка для жидкостей.

⁴ Махалля – поселение, условное объединение жителей одного квартала в Узбекистане.

⁵ Чепкен – традиционная верхняя мужская одежда у киргизов

⁶ Ятаган – рубящее средневековое оружие народов Центральной Азии.

⁷ Аргамак – порода лошади.

ся в усы Муртаза. Про журналистов ему Дундар объяснил.

– Те, – сказал сын, – что с телефонами или простенькими фотоаппаратами, – туристы, а перепоясанные сумками, вспышками и которые всё микрофон во все дырки суют, – это журналисты.

Последних Муртаза особенно не любил. А их вопросы? Неужто кому-то интересно, как он спал, что он ел и что он пил. Хуже всего было с последним вопросом. На него надо было отвечать всегда улыбкой и «молча, лёгким движением руки открыть бутылку и сделать пару глотков прямо из горлышка» – как напутствовал искуситель, оставив в юрте целую дюжину ящичков с напитком. Муртаза посмотрел на верхушку юрты. Там беспомощно мокнул под дождём разноцветный флаг с изображением бутылки и надписью наискось флага – «Достликола»¹.

Совместное узбекско-киргизское предприятие по выпуску прохладительных напитков решило таким оригинальным образом провести рекламную компанию.

Муртаза зашёл обратно. У бакана² юрты ящик с «Достликолой» угрюмо серебрился разодранным пластиком. Старик с нескрываемым презрением посмотрел на упаковку этого странного напитка, от которого пучило живот и появлялась изжога. «Кто в здравом уме собирается это пить?» – не переставал он изумляться всякий раз, когда надо было с энтузиазмом отхлёбывать из горлышка, будучи при этом ослеплённым вспышками фотокамер. Но сегодня его гораздо больше беспокоило другое. Накануне искуситель, загадочно улыбнувшись, сказал, что пришло время для главного представления, попросив при этом Муртазу облачиться в этот реквизитный чепкен и повесить ятаган на пояс.

– Замечательно! – вынес он тогда вердикт с ухмылкой шайтана. – Бунчуки уже есть, вам ещё нужен будет щит. Его привезут завтра.

– Зачем мне щит? – недоверчиво покосившись на ятаган, спросил Муртаза. Ухмылка искусителя в этот момент стала злоеющей, и он полушёпотом спросил: – Что вы знаете об Орхане Первом и штурме Никеи?

Муртаза знал только одного Орхана, старого сапожника с Аламединского рынка в Бишкеке, но никогда не слышал, чтобы про него говорили как про Первого. Где это Никея и почему её когда-то штурмовали, он тоже не знал. В юрту ворвался шум дождя – промокшая Айгерим быстро вошла внутрь, закрыв за собой дверь. Сняв намокший платок, она сноровисто растопила буржуйку и поставила чайник.

– Хорошо бы, если Дундар купил ещё пару курпачей³, – сказала она, грея руки над буржуйкой.

– Хорошо бы... – тихо согласился с ней Муртаза.

«Разве теперь настоящие курпача найдёшь?» – думал про себя мужчина, усаживаясь на зелёный водонепроницаемый матрасик, набитый тонким слоем поролона. Когда Дундар привёз его из больницы, ими, этими зелёными матрасиками, уже был выстлан весь периметр юрты.

– Старьё пришлось сжечь, – потупив глаза, ответил тогда Дундар. – Санинспекция не разрешила.

Кто такая санинспекция и почему она распоряжалась в его доме, Муртаза не понимал, но спорить не мог – был слишком слаб после операции. Он вообще многого не понимал, особенно последнее время: всё так закрутилось, зашпешило, будто в водоворот затянуло. «Куда они так спешат? Чего ищут? О чём спрашивают?» Вся окружающая его последнее время толпа напоминала ему детей в супермаркете, хватающих одну игрушку, но, даже не поиграв, поскорее цепляющихся за другие. Они с Айгерим недавно были там, в этом самом супермаркете. Дундар их туда на такси отвёз.

¹ *Достлик* – дружба (узб.).

² *Бакан* – центральный опорный шест в структуре юрты.

³ *Курпача* – тонкий стёганный матрас, иногда использующийся как одеяло.

– Здесь вы найдёте всё, что вам надо! – сказал он и оставил их у входа.

Это была огромная прямоугольная юрта с прозрачной крышей, внутри которой расположились стеклянные духаны-магазины. «Как здесь можно чего-то найти?» – сердился Муртаза, пока Айгерим тащила его из одной стекляшки в другую. Видно, Дундар привозил её сюда, пока Муртаза валялся в больнице, ей всё здесь было знакомо. Она была как овца на пастбище: здесь поглядит, там примерит, тут приценится. Теперь, когда у них были деньги, они могли позволить себе многое, но разве ему что-то надо? За два часа, проведённые в супермаркете, Муртаза купил всего лишь новые толстые шерстяные носки, и то по настоянию Айгерим. У неё же были полные сумки: и новая скородода, и дюжина платков, и разноцветные юбки, и ещё много всякого, названия которому Муртаза и не знал. «Женщины – они и в аду сумеют приспособиться», – раздражённо подумал мужчина, смотря на занятую домашними делами жену.

«Кто же это такой, этот самый Орхан Первый?» Тут его осенило. Дундар, чуть что, сразу к своему плоскому чемоданчику садился и того спрашивал. Муртаза подошёл к столику на низких резных ножках, сел возле, скрестив ноги, и поднял крышку чемоданчика. Перед его глазами был чёрный экран. У Дундара экран всегда светился, и там были какие-то картинки.

– Айгерим, как эта штука включается?

– Какая штука?

– Да вот эта, сына нашего.

– Компютер, что ли?

– Именно.

– Там внизу буквочки есть. Надо набрать «Достликола»! – ответила она, не отрываясь от помешивания в казане.

Но буквочки были какие-то диковинные, совсем не такие, какими Муртаза привык

писать на кыргызском или русском. Вроде бы они были похожи, но в то же время и нет. На бутылках с «Достликолой» были такие же буквы, но что там было написано, Муртаза тоже прочитать не мог, хотя искуситель и говорил ему, что всё на этих бутылках было на узбекском языке.

– Это партия была сделана для продажи в Ташкенте, – нашёптывал он ему тогда, – а вы ведь, байке¹, знаете, что у них латиница.

«Латиница». Это слово он запомнил и сразу же узнал, когда по радио не так давно услышал, что Казахстан ей тоже заинтересовался и что скоро казахские буквы перестанут быть похожи на киргизские или русские и будут выглядеть как узбекские. Зачем надо было это делать, Муртаза не понял, хотя некие казахские эксперты долго объясняли в этом же радиовыпуске, почему латиница – это большое благо для казахского языка. Из всех пространственных объяснений в голове засела только высокопарная фраза, смысл которой Муртаза представлял себе лишь приблизительно – «смена цивилизационного вектора». Понимал он её так: это как будто бы делаешь перекочёвку на зиму с Ат-Башинского джайлоо² на север, в тепло Иссык-Кульской котловины, но на полпути вдруг планы меняются и кочевать приходится далеко на юг, в ледяной ад Ваханского коридора. «Ну, раз надо, так надо», – примирительно подумал он тогда, отодвинув в глухой уголок сознания своё искреннее непонимание.

– Ну что, включил? – спросила Айгерим, повернувшись к нему, не переставая помешивать куурдак³ на плите. Муртаза тяжело вздохнул и отрицательно покачал головой. Вновь заныло плечо. Мир вокруг него менялся быстро и так непредсказуемо, что он чувствовал себя, как глупый айгыр⁴, гоняющий меринов из киргизской пословицы, – за что бы тот не взялся, спустя какое-то нараста-

¹ Байке – уважительное обращение к старшим (кирг.).

² Джайлоо – пастбище.

³ Куурдак – киргизское блюдо из мяса, лука и картошки, жаркое.

⁴ Айгыр – жеребец (кирг.).

юще непродолжительное время начинание это переставало иметь какой-либо смысл. «Смена цивилизационного вектора», – угрюмо повторил он про себя и уселся на потёртый ширдак¹ перед чемоданчиком с буквами.

«В больнице и то было лучше», – подумал Муртаза. Белые халаты приводили его в трепет, но там хоть была какая-то размеренность, порядок. Хотя и там «смена цивилизационного вектора», будь он проклят. Чем ещё объяснить то, что там с ним происходило? Ведь всё, на что он жаловался, – это плечо – ни руки не поднять, ни взять что-нибудь. Хоть и левая, но всё равно нужна. А белые халаты и кровь высосали, и мочу отобрали, и в дерьме что-то вынюхивали, просвечивали его с разных боков, а плечо как болело, так и болит! «Вы, байке, главное не волнуйтесь, мы ваше сердечко подлечим», – успокаивали люди в белом и делали уколы.

Вроде на родном языке говорят, а будто не слышат. Муртаза им про плечо, а они ему о сердце. При чём тут оно? Он его и чувствовал в жизни всего-то раз. Когда сорок лет назад Айгерим увидел. Почувствовал вдруг, будто остановилось что-то в груди, вздыбилось, как конь на полном скаку. Она тогда из тандыра² выпечку вынимала. Вот такую, раскрасневшуюся от жара печи, в клубах горячего воздуха, струившегося от лепёшек, с улыбкой на лице и радостными глазами запомнил её Муртаза на всю жизнь. Она и сейчас была для него такой. Это посторонним Айгерим казалась старухой, но он-то твёрдо знал – там, под морщинистой кожей и седыми волосами, кроется его молодая жена, просто прячется так от сглаза. В молодости надо было платком укрываться от чужих взоров, да кузмунчок³ носить, а теперь можно в открытую ходить. «Хотя кузмунчок и сейчас на ней», – заметил Муртаза браслетик на руке, состоявший из чёрных бусинок с белыми глазками.

– Не получается, что ли? Подвинься, старый, – тихо сказала Айгерим и под села к компьютеру.

– Найди про Орхана Первого, – попросил Муртаза Айгерим, подвинувшись на ширдаке и с любопытством наблюдая, насколько уверенно та стала стучать своими разбитыми от тягот кочевой жизни руками по клавиатуре. Она не торопясь, внимательно набрала латиницей «DOSTLIKOLA» и с громким щелчком треснула по самой большой клавише, чья форма чем-то напоминала Муртазе силуэт перевёрнутой конской головы. Чемоданчик заурчал, загудел и на несколько мгновений стал абсолютно чёрным. Через пару секунд на нём появилась фотография горного пейзажа с пасущимися баранами и чабаном в долгополом тоне. На фигурке чабана сверкал яркий, разноцветный кружок.

– Сюда! – решительно сказала Айгерим и наехала на чабана маленькой стрелочкой, после чего опять треснула ту же клавишу – конскую голову. Чемоданчик вновь загудел, заурчал, и фотография чабана с отарой овец сменилась белой страницей, в центре которой большими разноцветными буквами было что-то написано, но опять на латинице. Айгерим щёлкнула стрелочкой в центре, в длинном прямоугольнике и, к величайшему изумлению Муртазы, напечатала «ORKHAN BIRINCI» и опять ударила по конской голове. Недовольное урчание чемоданчика закончилось большим количеством текста на экране. Муртаза с некоторой боязнью посмотрел на супругу. Откуда она знает, как обращаться с латиницей?

– Дундар мне всё объяснил, – будто бы прочитав его мысли, ответила она ему, не поворачивая головы, – это просто. Главное – запомнить несколько букв, а слова всё те же. Дундар сказал, что это полезно в нашем возрасте – буквы новые учить. Те, кто учит, к тому шайтан слабоумия подкрадывается не так быстро.

¹ Ширдак – национальный киргизский ковёр с традиционным узором.

² Тандыр – глиняная печь для приготовления лепёшек и пр. у народов Азии.

³ Кузмунчок – украшение от сглаза, обычно в виде чёрных бусинок с белой точкой-глазком.

На плите что-то зашипело, и Айгерим стремглав понеслась к буржуйке. Муртаза заворожённо смотрел на экран чемоданчика, покрытого латиницей, словно ширдак узором. В этот момент в деревянную дверь юрты негромко постучали.

– Заходи! – сказал он, не отводя взгляда от этого лабиринта диковинных букв. В юрту вошёл молодой парень.

– Муртаза-байке? Я от Селима. Вам надо расписаться вот тут, – сказал он и протянул ему лист бумаги, исписанный опять же латиницей.

– Что это? – удивился Муртаза.

– Свидетельство о доставке, – ответил парень. – Я привёз вам щит. – И положил перед стариком большую плоскую коробку.

– Тебя как зовут? – спросил, подписывая бумажку, Муртаза.

– Батыр, – ответил парнишка.

– По-ихнему читать можешь? – старик указал на экран.

– Могу, одну минуту, байке, – Батыр сел на колени и сосредоточился на экране.

– Ага, ага. Вот оно что? Ничего себе!

– Чего там? Хватит, как баба, ойкать, толком говори! – рассердился, сам не зная почему, Муртаза.

– Извините, байке. Зачитался. Оказывается, много сотен лет назад киргизы помогли Орхану Первому захватить неприступную крепость!

– Конечно, это же киргизы! А как?

– Извините Муртаза-байке, здесь не написано. Только то, что героически и военной хитростью. Отряд киргизов у Орхана Первого был вроде нынешнего спецназа.

– А что такое спецназ? – не унимался аксакал.

– Это специально обученные ребята, которые везде пройдут и всех победят! – заявил Батыр.

– Тогда это точно киргизы, – удовлетворённо заключил Муртаза.

– Вам щит-то распаковать? – спросил парнишка перед уходом.

– Да, помоги, а то у меня плечо ноет.

Батыр осторожно развязал бечеву, снял многочисленные слои толстой обёрточной бумаги, и перед глазами аксакала оказался щит. Он был большим (в пол человеческого роста), украшенным узорами и окантованным серебром. При всей солидности внешнего вида, щит оказался удивительно лёгким – аксакал¹ легко поднял его. «Оми²! Да он из кожи сделан!» – понял Муртаза, рассмотрев его внимательнее. Несколько сшитых между собой слоёв высушенной бычьей кожи делали щит лёгким и в то же время прочным. Батыр с уважением посмотрел на старика. На лице того появилась довольная улыбка, глаза заблестели, а сам он будто помолодел лет на двадцать. «Правильно мать говорила – мужчина до старости ребёнком остаётся», – подумал парнишка.

– Только вы с ним, пожалуйста, поосторожнее, он очень древний, – сказал на прощание Батыр.

– Сам вижу, что древний. О таком я ещё в детстве от знаменитого акына³ слышал, – ответил Муртаза, и тут вдруг в голове ясно всплыло воспоминание: он, ещё мальчишкой, сидит перед слепым стариком-акыном, поющим о далёком времени, когда киргизы совершали подвиги. Батыр давно ушёл, а старик всё сидел, поглаживая щит на коленях и вспоминая ту песню детства.

– Ты кушать-то будешь, отец? – вернула его в настоящее Айгерим.

– Не сейчас, мать, лучше садись рядом, я тебе что расскажу. Давным-давно, киргизов нанимали в чужие армии, но не в качестве простых солдат, а как особый отряд! Был такой и у Орхана Первого. Этот Орхан осадил как-то одну крепость. Но крепость была неприступной, даже многомесячная осада не приводила к успеху. У Орхана в армии были только пешие воины да всадни-

¹ Аксакал – буквально: белая борода, старец (узб.).

² Оми – восклицание сродни русскому «ой-ой-ой» (кирг.).

³ Акын – певец народных песен, сказитель народов Казахстана и Киргизии.

ки. Каждый день они шли в атаку, но вновь и вновь отходили под огнём лучников и града камней со стен крепости. Орхан уже был готов отступить, но тут киргизские разведчики сообщили своё наблюдение: по вечерам к стенам и воротам крепости стражники приманивали лошадей, оставшихся без наездников, и впускали их в крепость. Скорее всего, у жителей осаждённого города уже заканчивалось пропитание и лошади им нужны были на мясо. «Ну и что с того? Мои воины тоже скоро начнут голодать!» – недоумевал Орхан. Тогда киргизы предложили свой план. Дюжина самых лихих воинов и искусных наездников перекинули через своих лошадей крепкие кожаные ремни и закрепили их снизу, под брюхом. Да не туго, а свободной петлёй, чтобы пространство оставалось. Просунули в эти петли свои щиты, а сами свернулись калачиком и легли на них, как в люльку. В сумерки, да ещё в табуне других лошадей, увидеть, что у некоторых под брюхом, было трудно. Так и проникли эти джигиты в крепость, а что было дальше – тебе, женщина, лучше не знать. Основатель Османской империи, военный лидер тюркок-огузов Осман Первый никогда не называл себя султаном. В те времена его империя даже не называлась империей; это был простой «бейлик» – некое государственное образование кочевых племён, которым руководил бей. Таких бейликов было много в Малой Азии и дальше к востоку. Осман возглавлял лишь один из них. Его сын Орхан, тоже Первый, также не был султаном, но благодаря его милитаристским устремлениям бейлик Османа серьёзно крупнился. В 1328 году бей Орхан со своим воинством из разных тюркских племён осадил византийскую Никею, самый важный и самый крупный византийский город в Азии. Осада была трудной и долгой, город удалось взять лишь в 1331 году. Согласно некоторым данным, город был взят благодаря подразделению киргизов, входящих в его кавалерию, но никто не знает, как конкретно им удалось этого добиться. После победы благодарный бей Орхан приказал основать мемориал павшим в битве воинам-киргизам, который

до сих пор функционирует как историческая достопримечательность в Изнике (так теперь называется Никея). Кыргызлар Тюрбеси – Мавзолей Кыргызов – так он называется. У входа в него стоит памятник воину, примерно в таком же военном одеянии, каким почти всегда рисуют героя киргизского эпоса Манаса. На фоне этого памятника любят фотографироваться разного рода функционеры правительственных кругов Кыргызстана, посещающие Турцию с теми или иными целями.

Но ничего этого, разумеется, Муртаза не знал, чья ойкумена исчерпывалась лишь редкими поездками в Бишкек и чуть более частыми в Ош. Подкрадывающаяся старость, невероятные изменения в мире, темпы которых только нарастали, и пошатнувшееся здоровье заставляли его чувствовать себя отброшенным на обочину жизни: как сухие листья, упавшие в реку, постепенно отбрасываются волнами к берегу, а река продолжает своё течение, не заметив утраты. Так вот он себя и чувствовал – сухим, никому не нужным листом, не знающим ни латиницы, ни компьютера, волею судеб попавшим в маркетинговые силки искусителя, сделавшего из него рекламную звезду.

Но сейчас, глядя на этот щит, он чувствовал себя иначе. Ему казалось, что славный боевой дух средневековых воинов, благодаря которым была подорвана военная мощь Византии, внезапно придал ему сил. Он погладил щит. Потом погладил бороду. Резко встав, надел этот несуразный ятаган с арабской вязью и бережно просунул левую руку сквозь кожаные ремешки щита.

– Ты что делаешь, старый! Ты же после операции! – с ужасом воскликнула Айгерим, заметив резкие движения мужа.

Муртаза прищурил глаза и подвигал рукой. Боли почти не было.

– Скоро буду! – быстро бросил он ей и вышел из юрты.

Дождь уже кончился. Свежий воздух после ливня был оглушительно пьянящим. Вскочив на своего каурого аргамака, без седла и стремян, Муртаза прищипорил его и помчался галопом к ближайшему

адыру¹. Выхватив ятаган из ножен, он стал размахивать им в воздухе и иступлённо завопил:

– Алга!²

Аргамак пыхтел, но скакал всё быстрее и быстрее. Встречный ветер полоскал бороду Муртазы и мех его малахая. Необъяснимая эйфория поглотила старика без остатка. Он не переставая орал и прищпоривал коня, размахивая ятаганом. На бахче, неподалёку от адыра, трое дехкан³ оторвались от работы, облокотившись на кетмени⁴, и с удивлением наблюдали за всадником.

– Кто это? – в конце концов спросил один из них.

– Это тот чабан, что рекламирует напитки Селима, – ответил ему другой.

– Лихой джигит! – отметил третий.

– Алга! – Муртаза скакал ещё минут десять, но потом взял себя в руки и уже рысью направился обратно к юрте.

Сунув ятаган в ножны, он не спеша призывал коня, когда вдруг услышал из юрты плач Айгерим. Войдя в юрту, он увидел Дундара в объятиях рыдающей матери.

– Что такое? – спросил он, сложив у бакана ятаган и щит.

– Наш сын нас покидает! – запричитала Айгерим, не выпуская из рук Дундара.

Муртаза вопросительно посмотрел на него.

– Ата, меня приняли в колледж в Турции. Буду изучать бизнес и маркетинг.

– А что же потом?

– А потом я открою бизнес по производству микрочипов.

Муртаза не знал, что такое микрочипы, но был уверен, что это что-то очень хорошее. Вроде каймака или бозо⁵.

– А потом? – спросил он, надеясь услышать чуть подробнее о том, что такое микрочипы.

– А потом я покорю этими микрочипами всю Турцию! – ответил Дундар и улыбнулся.

Айгерим продолжала рыдать. Муртаза неодобрительно взглянул на женщину, погладил щит и по-отечески сказал:

– Да, сын мой! Уверен, что покоришь! Ак джол!⁶ – после чего сам налил ему полную кесушку кумыса.

Сборы Дундара были недолгими, на улице его ждала машина.

Оставшись одни, они долга сидели молча. Им было хорошо и спокойно в этой тишине. Муртаза так бы и сидел, положив руку на плечо жене, но тут появился Селим, как всегда с широкой деланной улыбкой.

– Я тут вам кое-что принёс. Давайте посмотрим, как получилось.

На экране замелькали кадры, на которых Муртаза был на своём аргамаке в полном снаряжении и пил «Достликолу». Фильм был короткий, всего полминуты, и закончился надписью во весь экран: «THE END».

– Что это значит? – тихо спросил Муртаза у своей жены, но искуситель услышал и широко улыбнулся.

– Это, уважаемый, означает, что фильму конец! Ну как, понравился? – продолжал улыбаться мужчина, потирая ладони.

Муртаза знал, что этого человека зовут Селим, но иначе, как искуситель он его не называл. И то не вслух – неудобно. «Тоже мне фильм», – подумал старик и неодобрительно хмыкнул.

– Что вам не понравилось, байке? – по-своему расценил жест Селим. – Это же фильм про вас! Вы себя не узнали?

– Да узнал я, узнал, успокойся. Но это не я. Так, картинка какая-то.

– Эта, как вы называете, картинка, нам миллионы принесёт, вот увидите. Мы оставим его вам на память. И все фото. Спасибо за помощь. Деньги вы все получили, так

¹ *Адыр* – невысокий пригорок (*кирг.*).

² *Алга* – вперёд (*кирг.*).

³ *Дехкане* – крестьяне (*узб.*).

⁴ *Кетмень* – мотыга (*узб.*).

⁵ *Бозо* – слабоалкогольный напиток, приготовляемый обычно из толчёного или крупномолотого пшена.

⁶ *Ак Джол* – в добрый путь (*кирг.*).

что с завтрашнего дня вы свободны. Делайте, что хотите!

– Что, и уехать можно? – с недоверием спросил Муртаза.

– Только недалеко. Согласно нашему контракту, мы будем с вами встречаться раз в месяц. Для новых фотосессий, так сказать.

– Что ж, мы так и будем посреди площади жить? – вспыхнул было старик, но тут на помощь искусителю пришла Айгерим:

– Успокойся, успокойся. Что ты в самом деле? Уже обо всём договорено, будем жить у моей сестрёнки, благо, квартира у неё большая, а ей помощь нужна, вот и поможем по-родственному.

– А юрта как же?

– За юрту не беспокойтесь! Её мы уже пристроили. В музее будет стоять, в местном, краеведческом, – поспешил вставить словечко Селим.

– Щит тоже в музей? – поинтересовался старик.

– Музей? Почему музей? При чём тут музей? – испугался вдруг искуситель. – Нет, щит мы турецким партнёрам подарим. В знак нашей дружбы, так сказать. Они нам запчасти к заводу пришлют, «Достликолу» производить.

– Так ведь он из музея взят, – упрямо продолжил Муртаза.

– С чего вы взяли, байке?

– Да вот, тут, в верхнем углу печать стоит – собственность Музея Каракалпакии, г. Нукус. Или вы уже по-русски читать разучились со своей латиницей? – старик развернул щит к свету, чтобы было лучше видно.

– Чёрт! Надо не забыть замазать, – проворчал побледневший вдруг Селим, и улыбка увяла на его лице. Но тут искуситель увидел направленный на него взгляд из-под кустистых, сердито сдвинутых к переносице бровей, вздохнул и, наклонившись к аксакалу, прошептал: – Не беспокойтесь, байке, мы его не крали. Позаимствовали, так сказать. У меня тамошний смотритель – хо-

роший знакомый. По старой дружбе, можно так выразиться, подарил, – поспешил он с объяснением.

Муртаза жил на свете уже много лет. Сама жизнь научила его быть дальновзорким. По малейшим изменениям в воздухе он мог определить, когда начнётся гроза. Вот и сейчас он почувствовал, что атмосфера в юрте стала напряжённой и тревожной. Чтобы сменить тему, он обратился к Айгерим:

– Вот, если ты такая умная, женщина, скажи, что мне с аргмаком делать в квартире?

– Может, мы его подарим кому-нибудь? – робко предложила Айгерим, но её прервал Селим возгласом:

– Зачем задаром дарить? Можно же деньги за лошадь выручить! Порода, правда, не ахти, но кобыла на что-нибудь сгодится.

– Это жеребец, – тихо поправил аксакал.

– Какая разница? На мясокомбинате за него кучу денег можно получить. Поверьте мне, я... – но искуситель тут же осёкся, прочитав гнев на лице аксакала, и поспешил ретироваться из юрты.

Не успел Муртаза и дух перевести, как в проёме вновь появилась голова Селима:

– Отдыхайте, байке, завтра мы вам поможем переехать, – и окончательно исчезла за пологом. Напоследок, сквозь войлок стены, Муртаза услышал приказ искусителя: «Глаз с него не спускать! Плачу тройной тариф!»

Аксакал только усмехнулся на это. Что ж, как старики говорили, больше препятствий – дороже победа. Он всё равно делает то, что задумал, и щит на коленях был лишь подтверждением правильности принятого им решения. Главное сейчас – не выдать себя.

– Айгерим, давай будем ужинать, – сказал он, чтобы занять чем-то жену, смотревшую на него с подозрением. Пока она накрывала дастархан¹, он включил новости. Из всех передач Муртаза предпочитал их – здесь всё было понятно, конкретно и достаточно коротко. Но то, что аксакал увидел на экране,

¹ Дастархан – скатерть.

удивило его: молодые ребята с окладистыми бородами тяжёлыми молотами с остервенением разбивали скульптуры.

– Жена, кто это?

– Это террористы, Муртаза, террористы.

– Но почему, зачем?

– Кто их поймёт. У них ведь как – если им непонятно, – значит неправильно, значит не нужно.

– Но ведь они этих фигур не делали? Сделай сам и ломай, если не нравится, но как можно ломать сделанное другим?

– У них религия такая.

– Не знаю, чему они там верят, но это неправильная религия, – возмутился Муртаза и выключил телевизор.

Ужинали молча. В конце, когда уже приступили к чаю, он попросил Айгерим:

– Жена, где там твои катышки? Что-то плечо разнылось.

– Сейчас, сейчас, – ответила та и полезла рыскать в котомке.

Каждую весну, когда созревает мак в полях, они собирали застывший на кувшинках сок и сушили его, скатывая в маленькие шарики. Старинное народное средство – от боли помогает, да и спишь хорошо. Жена протянула было ему пару катышков, но Муртаза забрал весь мешочек.

– Сам знаю сколько. Ты лучше этим, снаружи которые, чай приготовь.

– Это да, это конечно, это правильно. – Женщина стала хлопотать, заваривая большой чайник.

Когда Айгерим отошла, чтобы собрать чашки, Муртаза подсыпал горсть катышков в чайник. Затем, подумав немного, налил из чайника и в чашку жене.

Айгерим угостила охранников, вернулась и села рядом.

– А ты что – не будешь?

– Мне чай не положено. Я «Достликолу» буду! – отрезал он, открывая бутылку. Бурлящий напиток попытался убежать, но старик ловким движением подставил чашу

и ни капли коричневой жидкости не пролилось на пол. Теперь оставалось лишь ждать. Где-то через полчаса жена заснула, прямо сидя за дастарханом. Старик заботливо уложил её на бок, собрал в котомку лепёшки, курт¹, сухофрукты, пачку печенья и выскользнул из юрты. Охранники тоже уже храпели. Заученными за жизнь движениями, не торопясь Муртаза запряг аргамака. Потом завернул в войлочное одеяло щит, прикрепил его у себя на спине и уехал. Обернулся только уже на выезде из посёлка. Там вдали, внизу, на широкой площади сиротливо торчала юрта. Всё было тихо, посёлок городского типа спокойно спал.

В Ош он приехал только к утру. Город уже проснулся, жизнь забурлила, машины заполонили широкие улицы, но почти никто не удивлялся одинокому всаднику – некогда было – дела, заботы. Муртаза спешился у почтамта. Привязав аргамака к столбу, зашёл внутрь.

– Кызым², мне бы посылку послать, – обратился он к скупающей девушке в окошке.

– Ассалам алейкум, байке, – вежливо ответила та. – Конечно помогу. Что у вас за посылка?

– Вот этот щит. И фотографии тоже, чтобы знал, кто прислал.

– Хорошо, байке, сейчас коробку подберу. Я думаю, эта в самый раз будет. Кому посылка-то?

Муртаза огляделся, а потом указал пальцем на один из портретов, висевший на стене, прямо рядом с портретом президента Кыргызстана.

– Ему?! – девушка оторопела. – Ему? Самому ему?

– А что, ему посылки не положены, что ли? – ответил вопросом на вопрос аксакал.

– Вы правы, байке, только вот я адреса не знаю...

– Э-э-эх, молодёжь, чему вас только учат. Пиши так: «Москва. Кремль. Путину».

¹ Курт, курт – сухой кисломолочный продукт.

² Кызым – в данном контексте: дочка (кирг.).

Рука девушки заметно дрожала, когда она выводила крупные буквы на коробке.

– Готово? Сколько с меня?

Девушка быстро подсчитала и назвала сумму. Муртаза достал из-за пазухи платок, в котором были завёрнуты деньги. Отсчитав положенное, он протянул их в окошко.

– Всё? Я могу идти?

– Байке, одну минуту. Можно совет?

Нужно какое-то послание написать. А то там не поймут, могут выбросить, – робко прошептала девушка.

– Послание? Это ты хорошо придумала...

Поможешь написать? А то у меня почерк...

– Хорошо, напишу, диктуйте.

– «Уважаемый Путин-байке. Прошу вас, как мужчина мужчину, помогите. Этот щит – щит древних воинов-киргизов, а эти сволочи-террористы хотят его туркам отдать. Только назад в тот музей не посылайте, его снова оттуда уведут! С уважением, Муртаза». Ну как? Теперь поймут?

– Думаю, поймут, – твёрдо сказала девушка, запечатала коробку и поставила печать.

У старика отлегло от сердца, когда увидел жирный отпечаток на коробке, – он вселял уверенность. Муртаза оседлал коня и тихим шагом отправился в путь. Незачем было гнать – здесь его искать никому в голову не придёт. Он выехал из города и направился в горы. Дорога предстояла длинная – пару дней пути, но ему такие странствия не впервой. Сколько долин изъезжено, сколько горных троп исхожено, сколько ночей, проведённых под звёздным небом под войлочной попоной, – только ему одному было известно. Старик знал, куда держит путь. Пару лет назад он на молодом ещё жеребце заехал как-то в грозу в горное ущелье. Переждав непогоду под мощным скальным выступом, он направился в уютную долину, зажатую между грозных вершин. Напоил коня в холодной горной речушке и уже было собрался в обратный путь, как почувствовал, что его молодой аргамак возбуждён и стал непослушен. Отдалённое ржание всё объяснило – здесь пасся табун диких лошадей. Тогда он и не думал ни о

чём, пришпорил покрепче, да стегнул что есть силы камчой – вот и всех делов. Но запомнились ему эти расширенные ноздри, жадно вдыхающие запах лошадного пота, эти глаза навывкате, налитые кровью и желанием. Именно сюда и направил Муртаза своего коня. Прибыв на место, он с удовлетворением отметил для себя: здесь ничего не изменилось – всё те же грозные скалы по сторонам, та же изумрудная зелень вдоль горной речки, и ни следа человека вокруг. «Это хорошо!» – подумал старик и расседлал коня.

– Иди, гуляй! – приказал он коню, но тот не отходил далеко. Пришлось взмахнуть плёткой. Резкая боль в плече оборвала это движение на полпути. – Иди уже, ты свободен! Иди, прошу тебя, – сказал он.

Аргамак словно понял его и отошёл к речке.

– Иди, дальше иди, к ним иди, я здесь посижу, отдохну, – пробормотал старик, усаживаясь под скалой. О том, как пойдёт назад, он и не думал. Знал, что это дорога в один конец.

Здесь, под скалой, было хорошо и уютно. Лёгкий ветерок овеивал его, запахи свежих трав успокаивали мысли и даже боль в плече стала утихать. Всё почему-то стало размытым, неясным и поплыло куда-то в сторону...

Аргамак приходил ещё несколько дней к хозяину, но тот всё так же неподвижно сидел, привалившись спиной к скале. Конь понимал это как разрешение гулять дальше. Табун поначалу принял его настороженно – от него пахло человеком, но острые зубы и копыта помогли аргамаку утвердиться и стать своим. Жизнь на свободе делала своё дело – постепенно старые мозоли и потёртости исчезли, как и память о прежнем хозяине.

Муртазу искали несколько недель, но так и не нашли. Даже подключившиеся почему-то московские следователи не помогли. Айгерим поселилась у своей сестрёнки и стала ухаживать за её детьми. Спустя несколько лет вернулся, закончив обучение, Дундар и решил повезти мать в путешествие. Они направились в Петербург. Айге-

рим видела такие красивые здания только по телевизору, и Питер сразу же полюбился ей. Здесь всё было по-другому, но в то же время как-то близко и тепло сердцу. Напоследок они зашли в Кунсткамеру. Айгерим, честно говоря, уже устала от всех этих музеев и смотрела вполглаза, лишь бы сделать приятное сыну – ведь он так старался угодить ей. Но тут одна витрина привлекла её внимание – там стояла восковая фигура киргиза в старинной одежде, доспехах и со щитом в руке. Это был её Муртаза – она сразу узнала. Она было прильнула к стеклу, но недовольный окрик дежурной остановил. В пустынном зале, кроме них и дежурной, никого не было, и Айгерим, осмелев, стала тихонько шептать:

– Так вот ты где от меня спрятался. Посмотри на меня, это же я, твоя Айгерим! Не хочешь... гордый... Знаю, обидела я тебя тогда. Но ты тоже хорош, упёрся как баран. А ведь жизнь-то по-новому идёт и не всегда так, как тебе хочется... Здесь, я вижу, ты хорошо устроился. Упитанный. Ладно, не хочешь говорить – не надо. Знай, у нас всё хорошо, вот и Дундар вернулся. Видишь, какой он стал! На тебя похож... Так и не посмотришь?.. Ладно, пойду я. Если соскучишься, сам знаешь, где меня найти.

Пока мать тихо разговаривала с витриной, Дундар подошёл к дежурной по залу.

Сходство восковой фигуры с отцом его тоже поразило, и он решил узнать об экспонате подробнее.

– Вам он понравился? – с воодушевлением откликнулась на вопрос дежурная. – Этот экспонат у нас недавно. Вообще-то у нас редко теперь новые предметы поступают. Других музеев полно. – Тут она перешла на заговорщицкий шёпот. – Этого киргиза нам оттуда порекомендовали создать! – и она выразительно подняла глаза вверх.

– Щит прислали и фото цветные. А у нас мастера знаете какие! Теперь вот радует здесь всех – средневековый воин-киргиз со щитом.

На обратном пути Дундар всё не решался спросить мать, почему та в таком приподнятом настроении, но она сама прервала молчание:

– Ты отца-то узнал? То-то! Я так и знала, что не пропал он, не сгинул. А не хочет домой возвращаться, так, может, и правильно – и дома-то у нас нет. Чего ему в квартире делать? Здесь ему лучше.

– Но почему же вы не грустите? – спросил Дундар.

– Ты видел, как он щит держал? Крепко и легко?

– Да, ну и что?

– Как что, сыночек? Значит, у него уже не болит плечо. А это – самое главное.

16+ Научно-фантастический роман

ФАРРА МУРР

Третья СИЛА

По программе «Новые имена современной литературы»

Купить книгу
planeta-knig.ru/shop/2139/desc/tretja-sila

